

А.А. Дырдин, А.О. Куранов

**ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В МИРОВОЗЗРЕНИИ А. П. ПЛАТОНОВА:
СФЕРА ДУШИ, ЭФИРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ЮРОДСТВО В ТЕКСТАХ ПИСАТЕЛЯ**

*Все бывает на свете и возвращается вновь, –
одно лишь время безвозвратно.*
А. Платонов. Записные книжки.

На страницах своих произведений А.П. Платонов создал пространство образной мысли, с большим трудом поддающееся интерпретации. Уникальные лексические и синтаксические конструкции выступают здесь в качестве основ художественного мира-лабиринта. Герои Платонова пытаются обрести себя в нём, найти выход из круга «ветхого» существования. Миропроекция, в которую помещены сюжеты платоновских произведений, настолько многогранна, что практически невозможно раскрыть её структуру, используя только известные методы филологического анализа.

Ключевая проблема платоноведения — это выявление несущей конструкции авторского образа

мира, генетического кода всей художественной системы писателя. Платоновская эстетика не вписывается в классические каноны. На протяжении десятилетий российские и зарубежные исследователи называли разные причины выпадения писателя из реалистической парадигмы (равно как и из всех других): «вывернутый язык», аномальная стилистика, неясная идеология, юродивая литературная позиция. Как правило, использовались традиционные подходы и объяснительные модели, которые не всегда были соотносимы с платоновским творчеством. Чтобы раскрыть особенности метапоэтики Платонова, своеобразие его образно-символической мысли, необходимо вырабатывать новые методы истолко-

вания текста, созданного на пересечении культурных, народно-религиозных и естественнонаучных координат. Такая исследовательская стратегия, на наш взгляд, должна выстраиваться на возвращении к эстетическому опыту, синтезирующему традиции национального самосознания.

В философии Платонова человек из народа является начальной, и одновременно конечной идеологической единицей, используемой писателем для строительства сложной художественно-смысловой системы. Произведения Платонова телеологичны: каждое содержит в себе множество идей, но все покрываются главной идеей – отражением исторической жизни страны в её подъемах и срывах, раскрытием её трагизма.

В предлагаемой трактовке сознания Платонова как писателя-философа главное можно свести к следующим позициям – вещество, душа, чувство, сердце, эфир и юродство. Выявить доминанту среди перечисленных концептов очень сложно. Каждый из них является составной частью метасюжета, развёрнутого в платоновских текстах и, вместе с тем, неразрывно связан с другими категориями релятивной эстетики писателя. Любой из этих компонентов не может существовать отдельно, поскольку во взаимосвязи с другими образует динамическую систему. Каркасом этой системы является ментальность русского человека, которая выступает точкой преломления между миром вещественным и миром духовным. Всенародное «чутье жизни» (А. Платонов) претворяется в живое слово платоновских героев-философов. На границах внутренней речи и внешнего существования происходит столкновение слова с дословным («немолчающим») сознанием.

Нормативная эстетика всегда стремилась к централизации (в центре произведения стоит доминанта, вокруг которой выстраивается сюжет всего произведения), в релятивной эстетике происходит децентрализация и рассеивание доминант, которые нелегко собрать воедино. Предлагаемая здесь интерпретация платоновских текстов сводится к предположению, что их конструкция (как и мир Платонова в целом) образована по принципу обратной перспективы.

Идейно-образный мир Платонова сориентирован на различные традиции русской мысли. Писателю близка заинтересованность отечественных мыслителей социально-исторической, нравственной проблематикой и вопросами смысла жизни, места человека во вселенной.

После 1917 года одним из ведущих направлений в познании мироздания в русской философии и литературе стал космизм. Происходит обращение к текстам Н.Ф. Фёдорова, в частности, к его мировоззренческому итогу – философии «общего дела». Главная тема Фёдорова – это воскрешение умерших (выход за пределы земного бытия, обращение природы вспять). Отголоски идей Фёдорова будут встречаться в работах В.И. Вернадского и книгах В.В. Розанова, в художественных произведениях Платонова. Для него связь между понятиями науки, религиозной философии и установками народного сознания была самоочевидной. Платонова интересо-

вали источники мироздания и «механизм» его работы. Наиболее точно, мировоззренческие искания писателя можно выразить цитатой из работы В.И. Вернадского: «в науке мы можем знать только, как произошло что-нибудь, а не почему»¹. Русскую художественно-философскую мысль 20-х – 30-х годов XX века интересовал ответ на вопрос почему, и на это имелась масса причин.

П.А. Флоренский воспринимал приход советской власти как апокалипсис. Многие деятели русской культуры придерживались подобного мнения. Было полное понимание того, что новая власть безжалостно уничтожала в русском народе то, что формировало его как нацию – духовную традицию. В советской стране происходило не столько идеологическое перевоспитание масс, сколько постепенное вытеснение из памяти культурно-исторических основ жизни, и, прежде всего – православного мироздания.

Для Флоренского всё сотворённое, все явления мира – святы, религиозно значимы. Такое мировоззрение «видит в мире другой мир» (П.А. Флоренский), символически связывая бытие тварное и бытие высшее. Однако, по Флоренскому, повседневная жизнь, – необходимое преодоление зла. Такое метафизически напряжённое сознание мы находим и у Платонова, воспринимающего потаённые пласты народного мироощущения в его онтологической значимости. В одной из своих ранних статей Платонов скажет: «<...> коммунизм в сердце человека посеять сможет только великая беда, ибо, когда я счастлив, мне не нужен никто, когда несчастлив и близок к смерти, мне нужны все»². Отсюда – представление о трагизме человеческой судьбы, которое пронизывает все его произведения.

М.Ю. Михеев, комментируя сходство и различие взглядов Вернадского, Фёдорова, Флоренского и Платонова, отметил близость проекта перерождения душ у Платонова идее одушевления материи в русской религиозной философии и христианстве³. Писатель стремился отразить в своих текстах собственное видение структуры мира, обозначить новые ориентиры духовного развития человека. Платонов принимает позицию открытости миру, соединяя в художественном пространстве несовместимые идеологемы. Игра смыслами и контекстами выражала твёрдое убеждение писателя в духовной истине, которую он объяснял не словами-«терниями» науки и политики, а выражал с помощью образов-символов народного просторазычия. Платоновская картина мира предстаёт в отражённом свете мировоззрения народа. В повести «Впрок» (1929-1930) центральная идея эстетики Платонова передается так: «На самом-же деле литература должна проис-

¹ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. С. 149.

² Платонов А. Сочинения. Научное издание. Т. I. Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 193.

³ См.: Михеев М.Ю. В мир Платонова – через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 193-196. По Михееву, в платоновских произведениях синтезируются научные и политические мифологемы, традиции старообрядческой мысли.

ходить из чувства коллектива и представлять из себя не букет индивидуальных ощущений, а – хлеб наш насущный»⁴.

Сложность интерпретации картины бытия в текстах Платонова обуславливается отсутствием постоянной архитектуры вселенной. Исследователь творческого наследия писателя имеет дело с повторяющимися явлениями (герои, сюжеты, мыслиеобразы), которые Платонов перемещает из одного произведения в другое. Герою, воплощающему естественнонаучную точку зрения, Платонов противопоставляет странника и юродивого – «человека обратной перспективы»⁵, наделённого способностью созерцать «энергию других миров»⁶. В поисках соотносимой с этими персонажами перспективности, Платонов начинает изображать сразу несколько пространств: «В существе вещей Чепцов предполагал лежащим пространство, – читаем мы в рассказе «Немые тайны морских глубин» (1923), – то есть даль, море, путешествие, пешеходство с седым и мудрым странником»⁷.

Наиболее сложным для анализа являются константы авторского сознания, составляющие своеобразный мировоззренческий код Платонова. Смысловая многозначность слов-сигналов (сердце, свет, вещество), взаимопроращение их значений формируют изменчивое представление о мире. Материальный и духовный, отвлеченный (философский) и буквальный слой семантики соотносятся между собой. Так, известная платоновская метафора «душа мира» служит понятием для целого ряда представлений. Это и символ женского начала, и обозначение духовной функции природы, и идея вечности вселенной.

Обратимся к трём образам-концептам Платонова: душа, эфир⁸ и юродство. Герои его ранних произведений, наделённые автобиографическими чертами, стремятся раскрыть природу микроорганизма (электрона) на уровне атома, являющегося неделимой строительной единицей организации жизни на Земле. Размышления писателя о перво-

⁴ Платонов А. Сочинения. Научное издание. Т. I. Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 86.

⁵ Ростова Н.Н. Человек обратной перспективы (Опыт философского осмысления феномена юродства Христа ради). – М.: МГИУ, 2010. – 140 с. Н. Ростова истолковывает феномен юродивого, опираясь на термины иконописи, используемые П. Флоренским в работе «Обратная перспектива». По её определению, юродивый воплощает обратную перспективу взгляда на мироздание.

⁶ Комментируя юродство как черту, характерную для русского человека, П.А. Флоренский замечает: «юродство есть некоторая недостача по миру; это именно рыхлость, хлопьевидность волевой и интеллектуальной организации, не дающей <...> поспевать за миром, хотя и покрываемая с избытком эмоциональными красотами и сочащейся сквозь рыхлую личность энергией других миров» (Флоренский П.А., св. Сочинения: В 4 т. Т. 3(2). – М.: Мысль, 2000. С. 302).

⁷ Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / Вступ. ст. А. Битова / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 229.

⁸ Пионерами теории эфира можно назвать Х. Гюйгенса (Христиан Гюйгенс ван Зейлихем. Трактат о свете (Treatise on Light) и М. Фарадея (Майкл Фарадей. О магнетизации света и об освещении магнитных силовых линий. Избранные работы по электричеству). Обзор представлений об эфире см. в кн.: Эфирный ветер. Сб ст. – М.: Энергоатомиздат, 1993. – 288 с.

причинах бытия строятся на основе естественнонаучных знаний («Жажда нищего» – 1920, «Сатана мысли» – 1921, «Потомки солнца» – 1922, «Лунные изыскания» – 1926 и др.). В этом ряду – рассказ «Невозможное» (1921), где картина мироздания наполняется световой символикой⁹. Образ света становится одним из главных символических понятий в мировоззрении Платонова. Свет есть «электромагнитное переменное поле»¹⁰, определяемое как «свет-пространство»¹¹, как «купель жизни; из света делается жизнь на каждой планете, и светом она питается и возобновляется»¹². Какой свет мог созерцать Платонов – электрический или духовный? Ответ на это вопрос скрыт за многозначностью авторской мысли, амбивалентностью платоновского языка. Сложившаяся неопределённость частично преодолевается значением слов «простота», «по-евангельски» в авторской реплике: «я не доклад собираюсь читать, а просто, с возможной краткостью и простотой, по-евангельски, расскажу вам про жизнь одного человека»¹³.

Свет есть душа – душа есть свет – вместе они образуют жизнь, распадающуюся на *тут* («Нет, тут ничего невозможно»¹⁴) и *там* (где гипотетически это возможно). Платонов размышляет о свете-душе. Ему интересны не столько формы проявления этого концепта (которые детально проанализировал М.Ю. Михеев), сколько техническое устройство этой сущности: «для этого надо подойти к вопросу <...> технически»¹⁵. Именно душа позволяет человеку чувствовать мир, познать его многогранность и красоту. Видеть мир можно «только через другую душу, <...> а не через одну свою»¹⁶. Душевная эйфория наступает тогда, когда «человек с человеком сливаются в одно своими сокровенными душами, и тогда бывает экстаз»¹⁷. Это явление Платонов называет *поцелуем души* («я хочу поцеловать её душу...»¹⁸). Свет и душу не следует рассматривать отдельно: вместе они есть единосущное начало, вырабатывающее вещество в результате взаимодействия с миром. Вещество питает сердце (важнейшая категория в мировоззрении Платонова и в новоза-

⁹ Ср.: «<...> товарищ мой <...> светился. Светился всем телом; свет шел из него; не тот воображаемый глупый поэтический свет, а свет настоящий, какой зажигают в комнатах по вечерам. Такой материальный свет и есть самый чудесный и единственный свет. Сам сын света, весь сотворенный из света, как и каждый из нас, он отдавал теперь свою душу другому человеку, в него входило что-то другое и вытесняло старую душу-свет. Это все покажется сказкой, а я это видел, и это научно верно. Действительность смешнее и фантастичнее фантазии. Человек, думающий, что он знает настоящий мир, глуп: он знает кусок действительности, обрубленный так, чтобы было покойно жить. Дурак он» (Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / Вступ. ст. А. Битова / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 299).

¹⁰ Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / Вступ. ст. А. Битова / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 293.

¹¹ Там же. С. 293.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 290.

¹⁴ Там же. С. 300.

¹⁵ Там же. С. 301.

¹⁶ Там же. С. 299.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 300.

ветных текстах). Сознание русского человека всегда обращено к сердцу, являющемуся критерием истины. Вне души и сердца человек относится к окружающему миру безучастно, нарушая принцип, на котором основано существование платоновских персонажей: надо «жить всесторонне» – сказано у Платонова в незавершённом романе «Счастливая Москва» (1932-1936).

Идея двоимирия в рассказе «Невозможное» созвучна учению В.И. Вернадского о ноосфере. Платонов разделяет область жизни на физическое пространство (реальный мир) и эфирное пространство. Здесь его мысль пересекается с гипотезой П.А. Флоренского о пневмосфере (духовной оболочке Земли). Эфир, по мысли писателя, может находиться в обоих пространствах, но в разной форме проявления. Согласно Платонову, именно в эфирном пространстве душа может полностью реализовать себя, в отличие от мира физического, где она имеет ограничения.

В повести «Эфирный тракт» (1926-1927) изложены научные взгляды на структуру эфира, сложившиеся в начале XX века¹⁹. Мы предполагаем, что идеи двух представителей русского космизма не только были восприняты Платоновым, но и повлияли на его мировидческую позицию (об источниках этой связи писали Э.А. Бальбуров²⁰, К.А. Баршт,²¹ Н.М. Малыгина²²).

Помимо самого строения эфира, Платонов искал точки вхождения (перехода) в эфирное пространство: «Как технически создать эфирный тракт – дорогу эфиру?...»²³. По Платонову, дорогой к эфиру может стать «электромагнитное русло», но реализация такого проекта возможна только в научной фантастике. Поэтому писатель смещает область поиска в реальную жизнь. Внимание Платонова останавливается на одном из самых ярких феноменов русской православной культуры – юродстве Христа

ради, нашедшем свое отражение в русской художественной литературе (Блаженный Иван Яковлевич у Ф.М. Достоевского, Богодул у В.Г. Распутина и мн. др.). Житие юродивого созвучно платоновскому коду «и так и обратно», в силу того, что юрод живёт *и так* (днем похабник) *и обратно* (проводит ночь в молитвах). Все главные герои платоновских произведений – несут в себе черты юродства²⁴. Можно предположить, что Платонов воспринимал состояние юродивого как возможную форму выхода в духовное измерение бытия – эфирное пространство (в пневмосферу П.А. Флоренского).

Изображая в «Чевенгуре» юродствующего крестьянина, который считал себя богом, писатель завершает эпизод встречи с ним репликой: «Дванов заключил, что этот бог умён, только живёт наоборот; но русский – это человек двустороннего действия: он может жить и так и обратно и в обоих случаях остаётся цел»²⁵. В данном случае открывается внутренний ход авторской мысли. Тема юродства получает особую экспликацию.

Характерная особенность юродивого – одновременное созерцание мира реального и мира духовного²⁶. Приведем пример из повести «Котлован», где главный герой (Воцев) вместе со всеми строит «будущее общепролетарское жилище» (работает над «веществом существования», пребывая в реальной обстановке пореволюционной эпохи) и, вместе с тем, видит происходящее в других мирах: «<...> устало длилось терпение на свете, точно все живущее находилось где-то посредине времени и своего движения: начало его всеми забыто и конец неизвестен, осталось лишь направление во все стороны»²⁷. И тут же: «...события же на поверхности земли его не прельщали»²⁸, «<...> тайная надежда мысли обещала ему далёкое спасение от безвестности всеобщего существования»²⁹. Двухнаправленность восприятия мира определяется тем, что многое уже приоткрыто героям Платонова. Писатель как бы подсказывает читателю правильное толкование текста, замечая, что Воцев «<...> желал хотя бы наблюдать его (смысл жизни, – А.Д., А.К.) в веществе тела другого, ближнего человека»³⁰.

Вернемся к приведенному выше отрывку из «Чевенгура», отсылающему нас к онтологическому смыслу слов о двухнаправленной природе национального характера. В повести «Строители страны», которая является претекстом романа, за основной частью фразы следует дополнение: «Геннадий на-

¹⁹ «<...> эфир (то, что я назвал выше “генеральным телом”) есть кладбище электронов. Эфир есть механическая масса умерших или умерших электронов. Эфир – это крошево трупов микробов – электронов. С другой стороны, эфир не только кладбище электронов, но также мать их жизни, так как мертвые электроны служат единственной пищей электронам живым. Электроны едят трупы своих предков. <...> Эфир, как установлено наукой, необычайно инертная, не реагирующая, лишённая основных свойств материи сфера. <...> эфир «лишен» свойств материи, ибо между человеком и живым микробом – электроном – с одной стороны, и эфиром – с другой, есть принципиальное различие. Первые – живы, второй – мертв. Я хочу сказать, что “непознаваемость” эфира скорее психологическая, чем физическая задача» [3, 492-493].

²⁰ См.: Бальбуров Э.А. Художественная гносеология Андрея Платонова в свете философских исканий русских космистов // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1999. № 4.

²¹ См.: Баршт К.А. Онтологические ресурсы вещества (Н.Ф. Федоров, В.И. Вернадский, А.П. Платонов). 2004.

²² Н.М. Малыгина, рассматривая источники «Рассказа о многих интересных вещах» (1923), который она обнаружила в воронежской «Нашей газете» и атрибутировала Платонову, отметила перекличку идей Платонова и Флоренского и предположила, что Платонов был знаком с содержанием книги священника-философа «Столп и утверждение истины» См.: Малыгина Н.М. Андрей Платонов: поэтика возвращения. – М., 2005. С. 223.

²³ Платонов А.П. Котлован. Ювенильное море: повести. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 494.

²⁴ См. об этом, например: Дырдин А.А., Куранов А.О. Феномен юродства в творчестве Андрея Платонова // *Dynamika naukowych badań*. – 2011. Vol. 12. Filologiczne nauki. — Przemysł: Nauka i studia. 2011. S. 88-91.

²⁵ Платонов А.П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть // Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 92.

²⁶ См.: Житие святого Андрея, Христа ради юродивого // Жития святых в изложении свт. Димитрия Ростовского. – М., 1904.

²⁷ Платонов А.П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть // Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 467.

²⁸ Там же. С. 466.

²⁹ Там же. С. 481.

³⁰ Там же. С. 422.

мекал на революцию: ею русский народ запущен наоборот, против жизни, и ничего – действует»³¹. Таким образом, принцип жизни в двух измерениях стал в идейном пространстве Платонова существенной составляющей национальной картины мира. На Руси, человек всегда смотрит на мир через своё сердце и душу, что созвучно новозаветной идее, в отличие от западноевропейского человека, который пытается познавать мир через логику собственного сознания.

Формула Платонова «и так и обратно» отражает исторически сложившуюся психологию поведения нации. Сегодня, народ идёт против Бога³², завтра – он стоит на коленях и молит Бога (о помощи, прощении, спасении), но самое удивительное то, что он «остаётся цел»³³, потому, что будет прощён. Такой исход можно объяснить присутствием в авторском мире христианских представлений. Посредством этих «неотмирных», сверхрациональных идей возмещается «тяжесть горюющей души»³⁴ всего русского народа.

³¹ Повесть Платонова «Строители страны». К реконструкции произведения. Публ. В. Ю. Вьюгина // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. – А. Платонов. – Л. Леонов. – СПб., 1995. С. 346.

³² «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» (А.С. Пушкин).

³³ Платонов А.П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / Под. ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. С. 91.

³⁴ Там же. С. 83.

Свет-душа, эфир и юродство у Платонова могут быть истолкованы как образно-символические точки воссоздания жизни. Они входят в сознание писателя как эмоционально заряженные, осердеченные понятия. Смысловое содержание этих концептов раскрывается в связи платоновского мышления о человеке и мире с принципом обратной перспективы.

Литература:

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. – 261 с.
2. Платонов А.П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть / Под. ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. – 608 с.
3. Платонов А.П. Избранные произведения: Рассказы. Повести. – М.: Мысль, 1983. – 912 с.
4. Платонов А.П. Котлован. Ювенильное море: повесть. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 473, [7] с.
5. Платонов А.П. Усомнившийся Макар: Рассказы 1920-х годов; Стихотворения / Вступ. ст. А. Битова / Под ред. Н.М. Малыгиной. – М.: Время, 2009. – 656 с.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: В 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – 491 с.
7. Платонов А. Сочинения. Научное издание. Т. I. Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 511 с.
8. Цит. по: Архив А.П. Платонова. Кн. 1. Научное издание. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 696 с.
9. Повесть Платонова «Строители страны». К реконструкции произведения. Публ. В.Ю. Вьюгина // Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов. – А. Платонов. – Л. Леонов. – СПб., 1995. – 501 с.